

На правах рукописи

Погорелов Дмитрий Николаевич

**ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА И ОСОБЕННОСТИ
ВИРТУАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
ПОЛЬЗОВАТЕЛЕЙ СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЕЙ**

5.3.1. (19.00.01) – Общая психология, психология личности, история
психологии

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата психологических наук

Челябинск – 2022

Работа выполнена на кафедре психологии управления и служебной деятельности ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)»

Научный руководитель: доктор психологических наук, доцент, зав. кафедрой психологии управления и служебной деятельности ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (НИУ)»
РЫЛЬСКАЯ Елена Александровна

Официальные оппоненты: доктор психологических наук, профессор, заведующий лабораторией социальной и экономической психологии ФГБУН «Институт психологии Российской академии наук»
НЕСТИК Тимофей Александрович

кандидат психологических наук, начальник отдела информационных баз и анализа больших данных ГБУ ДПО «Региональный центр оценки качества и информатизации образования»
БЕНКО Елизавета Вячеславовна

Ведущая организация: ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет»

Защита диссертации состоится «24» мая 2022 года, в 14:00 часов, на заседании объединенного диссертационного совета 99.2.016.02 (Д 999.060.02) при ФГАОУ ВО «Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)», ФГБОУ ВО «Уральский государственный педагогический университет» по адресу: 454080, г. Челябинск, пр. Ленина, д.76, ауд. 1001, e-mail: info@susu.ru.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГАОУ ВО «ЮУрГУ (НИУ)»: <https://www.susu.ru/ru/dissertation/99201602-d-99906002/pogorelov-dmitriy-nikolaevich>

Автореферат диссертации разослан «__» _____ 2022 года.

Ученый секретарь
диссертационного совета

С.В. Морозова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность и степень разработанности проблемы. Для современного общества характерны тенденции широкого распространения сети Интернет. Информационная доступность в виртуальном пространстве связывается с наступлением новой стадии развития человечества – «кибернетического общества», отличающегося возрастанием роли информационных ресурсов как двигателей прогресса. Тотальное погружение в Интернет-пространство актуализирует такие эффекты, как потеря заинтересованности в реальных отношениях, перманентная усталость, нервно-психическое истощение, ослабление волевой регуляции.

Родителей, педагогов, психологов образовательных учреждений волнуют проблемы чрезмерного времяпрепровождения детей и подростков в социальных сетях, роста интернет-зависимостей, наряду с необходимостью активного использования информации из сети Интернет. Существуют многочисленные запросы родителей и педагогов в отношении изучения психолого-педагогических особенностей современных детей и подростков в контексте влияния социальных сетей на процессы социализации личности.

Интернет-аддикции, как показывает практика, затрагивают не только детей и молодежь, но и людей зрелого и даже пожилого возраста, способствуя снижению общего жизненного потенциала человека, отрицательно сказываясь на его жизнеспособности. Ситуацию усугубляет разразившаяся в конце 2019 года пандемия COVID-19, которая актуализировала необходимость использования социальных сетей представителями всех возрастных групп, что повлекло за собой неожиданные трансформации субкультуры пользователей социальных сетей.

Погружение в виртуальное пространство не только приводит к формированию интернет-зависимости, но и способствует значительным трансформациям в поведении и личностном развитии. Изменения затрагивают разные сферы личности (интеллектуальную, эмоционально-волевую, коммуникативную), оказывая влияние на формирование и проявления эго-идентичности. Действия разворачиваются посредством «никнов» и «аватаров», конструируется особая подсистема эго-идентичности – так называемая сетевая или виртуальная идентичность, начинающая выполнять функции "дублера" реальной идентичности, заменяя реальный образ собственного "Я" личности.

Поскольку виртуальная среда отличается от реальной, для нее характерна особая субкультура, включающая в себя нормы, ценности и традиции пользователей. Эти обстоятельства обуславливают качественно-своеобразные различия эго-идентичности с различной степенью выраженности компонента виртуальной идентичности. Наличие таких качественно-своеобразных различий служит стимулом к рассмотрению этого компонента идентичности как самостоятельного вида идентичности: сетевой, виртуальной, альтернативной и проч., описания которых нередко

встречаются на страницах научных изданий (M. D. Back, R. E. Wilson, N. Doering, И.В. Костерина, А.Е. Войскунский, О.Н. Астафьева).

В настоящее время в науке нет однозначного определения этих видов идентичности, слабо представлены их сущностные феноменологические и структурные характеристики, что свидетельствует о слабой концептуальной проработанности этих феноменов и влечет за собой проблемы методологического, методического и инструментального характера. Не определена психологическая структура и особенности виртуальной идентичности. Отсутствуют исследования, направленные на сравнительный анализ реальной и виртуальной идентичности, а также на выявление различий в личностных особенностях и содержании деятельности пользователей с различным уровнем выраженности виртуальной идентичности.

Следовательно, есть основания полагать, что в настоящее время вопросы виртуальной идентичности пользователей разработаны явно недостаточно, как на теоретическом, так и на прикладном уровнях. Существует **проблема** разработки методов и приемов профилактики интернет-зависимости у пользователей, минимизации агрессивного влияния интернет-контента на процессы личностного развития и межличностного взаимодействия представителей всех возрастных групп. Одним из способов решения проблемы видится исследование содержания и структуры особой подсистемы эго-идентичности – виртуальной идентичности, формирующейся в ходе интернет-активности и определяющей специфику восприятия интернет-контента. Вышесказанное определяет **цель исследования**: теоретический анализ и эмпирическое изучение специфики подсистемы эго-идентичности, формируемой у пользователей социальных сетей.

Достижение цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Конкретизировать понятийное поле концепта "виртуальная идентичность пользователей социальных сетей" и осветить основные научные подходы к его исследованию.

2. Проанализировать психологическую структуру и особенности виртуальной идентичности, рассмотреть специфические черты поддерживаемой пользователями субкультуры.

3. Обосновать и разработать комплекс инструментальных средств для эмпирического исследования виртуальной идентичности.

4. Изучить содержательные особенности виртуальной идентичности пользователей и их реальной идентичности, специфику интернет-активности, социальные нормы поддерживаемой субкультуры.

5. Выявить личностные особенности пользователей с различной степенью выраженности виртуальной идентичности.

Объект исследования – эго-идентичность личности как результат воздействия факторов виртуального пространства.

Предмет исследования – структурные и содержательные характеристики виртуальной идентичности пользователей социальных сетей.

Общая гипотеза исследования: в виртуальном пространстве социальных сетей формируется особая подсистема эго-идентичности личности, которая характеризуется структурой и особенностями, содержание которых опосредовано спецификой субкультуры пользователей социальных сетей.

Частные гипотезы исследования:

1. Структура виртуальной идентичности включает такие компоненты, как «склонность к кибераддикции» (степень значимости социальных сетей для пользователя, а также возникновение зависимости от данных коммуникативных площадок при их чрезмерном использовании), «принятие субкультуры» (степень одобрения пользователем норм, характерных для виртуального пространства социальных сетей), «виртуальный образ» (совокупность представлений о физических и психологических свойствах, а также аспекты коммуникации в социальных сетях).

2. Существуют специфические факторы, детерминирующие формирование виртуальной идентичности у пользователей социальных сетей. Эти факторы могут быть связаны с наличием у пользователей тенденции проводить в виртуальном пространстве значительное количество времени, с особенностями поведения в сети, со специфическими представлениями о самом себе и самопрезентациями в виртуальной среде.

3. Соотношение реальной идентичности личности (эго-идентичности) и виртуальной идентичности пользователей предполагает наличие как общей компоненты, включающей особенности идентичности, совпадающие в реальном и в виртуальном мире, так и особых компонент, отражающих отличительные характеристики реальной и виртуальной идентичности.

4. Особенности виртуальной идентичности пользователей связаны с содержанием и наполнением профилей в социальных сетях, особенностями поведения и коммуникации в них и опосредованы специфическими нормами принятой пользователями субкультуры.

5. Степень выраженности виртуальной идентичности пользователей опосредует разные аспекты содержания интернет-активности, а также ее специфику, что свидетельствует о применении различных способов достижения целей нахождения в социальных сетях.

6. Пользователи с разным уровнем выраженности виртуальной идентичности характеризуются различными показателями жизнеспособности, интернет-зависимости, зависимости от смартфона, а также комплексом личностных особенностей.

Теоретико-методологические основания исследования на общенаучном уровне представлены системными представлениями о сложных социальных объектах и конкретизированы на общепсихологическом уровне положениями системно-структурного подхода к изучению психических явлений и их культурно-исторической

детерминации (Б. Г. Ананьев, Л.С. Выготский, И.С. Кон, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, С.Л. Рубинштейн). Теоретическими источниками исследования являются: концепция эго-идентичности Э. Эриксона, теория поколений Н. Хоува и В. Штрауса, отечественные концепции идентичности личности (Г. М. Андреева, В. И. Павленко, М. И. Боришевский и др.) и жизнеспособности человека (Е.А. Рыльская), а также комплекс научных положений, раскрывающих особенности сети Интернет как специфической среды самоидентификации личности и онлайн-сервисов как средств для конструирования виртуальной идентичности (А.Г. Асмолов, А.Е. Войскунский, О.К. Тихомиров, Г.В. Солдатова, З.С Завьялова, Е.В. Летов, А.В. Щекотуров, О.В. Тихонов и др.). Мы опираемся на современные исследования отечественных и зарубежных авторов, освещающих специфику поведения и общения в социальных сетях (А.Е. Войскунский, Г.В. Солдатова, И.М. Богдановская, Е.П. Белинская, А.Е. Жичкина, Н.Н. Королева, Н.В. Чудова, Д.О. Ерохин, S. Turkle, J. Suler, F. Bert, M.R. Gualano и др.). Значимыми для исследования являются положения о влиянии онлайн-сервисов на формирование и развитие когнитивных способностей (Г.В.Солдатова, Т.А. Нестик, Е.И.Рассказова, Е.Ю. Зотова).

Теоретические методы исследования: теоретический анализ, синтез и обобщение, а также индукция и дедукция, моделирование, метод гипотез.

Эмпирические методы исследования: опросный метод, метод анкетирования и батарея психодиагностических методик: тест «Интернет-зависимость» К.Янг (модифицированная В.А. Лоскутовой), короткая версия опросника «Шкала зависимости от смартфона» В. П. Шейнова, опросник исследования уровня агрессивности А. Басса и А. Дарки (адаптация А.А. Хвана, Ю.А. Зайцева, Ю.А. Кузнецовой), тест «Жизнеспособность человека» («ТЖЧ») Е.А. Рыльской, методика диагностики межличностных отношений («ДМО») Т. Лири, тест Куна – Макпартленда «Кто Я?» в модификации «Кто Я онлайн?», авторская анкета «Трансформация представлений о сети Интернет», стандартный многофакторный личностный опросник Кеттелла 16PF, авторский тест «Виртуальная идентичность пользователей социальных сетей» («ВИПСС»).

Методы математической обработки эмпирических данных. В исследовании использовались методы описательной статистики, факторный анализ по методу «главных компонент» с последующим Varimax-вращением, корреляционный анализ (критерий r Пирсона), сравнительный анализ (критерии t -Стьюдента, U Манна-Уитни). Проверка гипотез о принадлежности исследуемой выборки некоторому закону распределения вычислялась с помощью критерия d Колмогорова–Смирнова. При разработке и анализе психометрических характеристик авторского теста «ВИПСС», использовались коэффициенты W Кендалла, α Кронбаха, rt Спирмена-Брауна, σ Фергюсона. При описании структуры виртуальной идентичности, а также для решения задачи по сравнению реальной и

виртуальной идентичности был использован контент-анализ страниц пользователей в социальных сетях ВКонтакте и Instagram.

Этапы исследования. Первый этап (2017–2018 гг.) был направлен на определение теоретико-методологических оснований исследования, выделение ключевой исследовательской проблемы, обоснование актуальности работы. Были сформулированы цель, предмет и объект, задачи и гипотезы исследования, составлен план работы, произведен анализ отечественных и зарубежных источников по проблеме. Второй этап (2018–2019 гг.) предполагал работу по составлению программы, выбору методов и методик, конструированию и проверке психометрических характеристик теста «ВИПСС», разработке анкеты «Трансформация представлений о сети Интернет». Третий этап (2019–2021 гг.) включал проведение эмпирического исследования (сбор эмпирического материала, его структурирование и систематизацию). Четвертый этап (2020–2021 гг.) был направлен на математико-статистическую обработку полученных эмпирических данных для последующего анализа и интерпретации, на основе чего были сформулированы выводы в соответствии с задачами. Полученные результаты использовались в психолого-педагогической практике.

Эмпирическая база исследования. В исследовании приняли участие 285 человек ($N=285$), пользователи социальных сетей в возрасте от 18 до 72 лет ($X=37,49$, $SD=13,61$). В состав выборки вошли 197 женщин (69,1%) и 88 мужчин (30,9%), студенты высших учебных заведений – 61 человек (21,4%); представители интеллектуальных профессий – 127 человек (44,6%) и представители рабочих профессий – 97 человек (34%).

Научная новизна исследования заключается в том, что впервые:

1. Проведено комплексное исследование психологической структуры и особенностей виртуальной идентичности, что позволило преодолеть фрагментарность существующих разработок по проблеме, конкретизировать понятийное поле концепта "виртуальная идентичность пользователей социальных сетей", систематизировать научные данные о структурных компонентах и специфике проявления виртуальной идентичности.

2. Виртуальная идентичность изучена на выборке испытуемых в широком возрастном диапазоне, охватывающем различные возрастные периоды (от 18 до 72 лет), что отражает разновозрастной состав интернет-сообщества, не учтенный в ранее проведенных исследованиях.

3. Разработан и апробирован тест «ВИПСС», проанализированы его психометрические характеристики, что позволяет выявлять степень выраженности структурно-содержательных компонентов виртуальной идентичности, выступающих в качестве индикаторов её проявления.

4. Получен ряд новых научных результатов, обогащающих проблематику исследования феномена виртуальной идентичности:

- 4.1. Показано соотношение реальной и виртуальной идентичности, предполагающее наличие как общей компоненты, включающей

совпадающие в реальном и в виртуальном мире особенности идентичности, так и особых компонент, отражающих отличительные характеристики реальной и виртуальной идентичности.

4.2. Определена специфика интернет-активности пользователей, опосредованная содержанием и наполнением профилей в социальных сетях, особенностями поведения и коммуникации в них, а также спецификой социальных норм, поддерживаемых носителями субкультуры. Доказана опосредованность степени выраженности виртуальной идентичности содержания и специфики интернет-активности пользователей.

4.3. Выявлены показатели жизнеспособности, интернет-зависимости, зависимости от смартфона и личностные особенности пользователей с различной степенью выраженности виртуальной идентичности.

Теоретическая значимость исследования заключается в уточнении сущности концептов "киберидентичность", "сетевая идентичность", в их конкретизации, в формулировании на этой основе определения понятия "виртуальная идентичность пользователей социальных сетей". Полученные результаты вносят вклад в понимание виртуальной идентичности как динамической системы представлений личности о себе в виртуальном пространстве социальных сетей. Выявленная структура исследуемого феномена систематизирует научные данные о влиянии сети Интернет на становление эго-идентичности и личности в целом.

Практическая значимость исследования отражена в перспективах применения полученных результатов в новых научных направлениях: в психологии Интернета (киберпсихологии), психологии IT, психологии интернет-зависимости. Применение теста «ВИПСС» позволяет обогатить спектр психодиагностических средств, используемых при проведении теоретических и прикладных исследований по проблемам влияния онлайн-сервисов на процессы личностного развития. Материалы будут полезны в системе повышения квалификации и переподготовки кадров в аспекте подготовки специалистов по проблемам личностных трансформаций в эпоху цифровизации. Ценность материалов выражается в возможности их использования при разработке программ лекционных и практических занятий для социальных педагогов, педагогов-психологов и других специалистов, занимающихся вопросами социализации детей и подростков в контексте глобальной информатизации общества. Результаты и выводы найдут применение в среде профессиональных психологов при организации практической работы с людьми, страдающими интернет-аддикцией.

Положения, выносимые на защиту:

1. Структура виртуальной идентичности представлена такими компонентами, как «склонность к кибераддикции» (уровень значимости социальных сетей для личности, а также риск возникновения аддиктивных тенденций при их чрезмерном использовании), «принятие субкультуры» (степень одобрения личностью специфических норм, принятых в

виртуальных сообществах), «виртуальный образ» (представление личности о физических и психологических свойствах, демонстрируемых в виртуальном пространстве, а также возможности и преимущества коммуникации в социальных сетях).

2. В качестве факторов виртуальной идентичности выступают: «риск формирования зависимости» (тенденции навязчивого использования Интернета и желание проводить значительное количество времени в Сети), «склонность к деструктивному поведению» (предрасположенность к нарушению традиционно принятых норм и правил, демонстрация агрессивности и враждебности, готовность рисковать и проявлять спонтанность в Интернете), «представления личности о себе» (особенности самопрезентации, специфика проявления личностных качеств и межличностных отношений в виртуальном пространстве социальных сетей).

3. Сферы реальной и виртуальной идентичности взаимосвязаны: их соотношение предполагает наличие общей компоненты, которая включает особенности идентичности, совпадающие в реальном и в виртуальном мире, а также особых компонент, отражающих отличительные характеристики реальной и виртуальной идентичности. В феноменологическом плане наличие общей компоненты говорит о взаимопроникновении исследуемых феноменов, в структурном – о системном единстве как принадлежности к общей системе, в которой один элемент может быть рассмотрен как общесистемный, а другой – как подсистемный.

4. Степень выраженности виртуальной идентичности пользователей определяет специфику содержания их интернет-активности, особенности поведения, коммуникации и межличностных отношений. Пользователи с выраженной виртуальной идентичностью склонны к чрезмерному погружению в социальные сети, к авторитарному, эгоистичному, агрессивному, подозрительному, подчиняемому и зависимому типам межличностных отношений; отличаются праздной виртуальной активностью, киберагрессией, более эффективным представлением физического облика и личностных качеств в социальных сетях, а также более выраженной значимостью виртуального пространства. Пользователи со слабо выраженной виртуальной идентичностью характеризуются меньшей увлеченностью использованием социальных сетей, целенаправленным характером виртуальной активности, меньшей идеализацией виртуального образа, предпочтением реального мира.

5. Пользователи с выраженной виртуальной идентичностью характеризуются сниженными показателями жизнеспособности, адаптационных возможностей, затруднениями в смысло-жизненном поиске, в самоактуализации и управлении собственными действиями в отличие от пользователей со слабо выраженной виртуальной идентичностью.

Проявления выраженной виртуальной идентичности связаны с зависимостью от смартфона, с интернет-зависимостью и специфическими личностными свойствами (социальной ориентированностью и коммуникабельностью, беззаботностью и импульсивностью, смелостью и склонностью к риску, чувствительностью, тревожностью, эмоциональной неустойчивостью, сниженной дисциплинированностью и др.).

Высокий уровень **надежности и достоверности результатов исследования** обеспечивался научной и методологической обоснованностью программы исследования, репрезентативностью и достаточным размером выборки, соблюдением методологических принципов и правил проведения исследования и математической обработки данных, соотнесением с результатами эмпирических разработок других авторов. Тест «ВИПСС» прошел все этапы психометрической проверки.

Соответствие диссертации паспорту научной специальности. Содержание работы соответствует пункту 39 паспорта научной специальности 5.3.1. – общая психология, психология личности, история психологии: «Психологические процессы переработки информации. Информационные технологии и их влияние на сознание, и личность человека. Человек в системах искусственного интеллекта. Информационные и эмоциональные аспекты взаимодействия человека с компьютером. Познавательные процессы и общение в компьютерных сетях».

Апробация работы. Результаты диссертационного исследования обсуждались на заседаниях кафедры психологии развития и возрастного консультирования, психологии управления и служебной деятельности Южно-Уральского государственного университета (НИУ) (2018–2021 гг.); на методологических семинарах кафедры психологии управления и служебной деятельности Южно-Уральского государственного университета (НИУ), кафедры педагогики и психологии Челябинского института переподготовки и повышения квалификации работников образования (2019–2021 гг.); представлялись на VIII Международной научно–практической конференции «Региональные модели сопровождения и поддержки одарённых и перспективных детей» (Челябинск, 2018 г.); Межрегиональной научно-практической конференции «Развитие психолого-педагогической компетенции педагога: вопросы теории и практики» (Курск, 2018 г.); Международной научно-практической конференции «Личность в эпоху перемен: *mobilis in mobili*» (Москва, 2018 г.); XVIII-XIX Международных научно-практических конференциях «Модернизация системы профессионального образования на основе регулируемого эволюционирования» (Челябинск, 2019–2020 гг.); XXI-XXII Международных научно-практических конференциях «Интеграция методической (научно-методической) работы и системы повышения квалификации кадров» (Челябинск, 2020–2021 гг.); XII Международной конференции «EDULEARN20 Proceedings» (Валенсия, 2020);

Международной научно-практической конференции «Психология в меняющемся мире: проблемы, гипотезы, перспективы» (Челябинск, 2021 г.); Межрегиональной научно-практической конференции «Трансформация личности в эпоху цифровизации: к вопросу формирования коммуникативной культуры и рефлексивной позиции учителя, ученика, родителя» (Челябинск, 2021 г.).

Объем и структура диссертационной работы. Работа состоит из введения, трех глав, выводов, заключения, библиографического списка, состоящего из 249 литературных источников (97 из которых на иностранном языке). Общий объем диссертации составляет 226 страниц. Работа включает 8 приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во Введении обоснована актуальность темы исследования, определена цель, объект и предмет, представлены гипотезы и задачи. Описаны научная новизна, теоретическая и практическая значимость, теоретико-методологические основания и методы исследования. Определена степень научной разработанности проблемы, сформулированы положения, выносимые на защиту, обоснованы надежность и достоверность результатов, представлены сведения об апробации работы.

Первая глава «Теоретико-методологические основания исследования проблемы психологической структуры и особенностей виртуальной идентичности пользователей социальных сетей» посвящена теоретическому анализу феномена виртуальной идентичности: обзору направлений психологических исследований по данной проблеме, описанию психологической структуры и особенностей изучаемого феномена.

Параграф 1.1 «Виртуальная идентичность пользователей социальных сетей как психологический феномен» посвящен обзору исследований, рассматривающих содержание, специфику, особенности формирования и функции изучаемого феномена, а также отражающих сравнительные характеристики реальной и виртуальной идентичности.

Глобальная виртуализация современного общества накладывает отпечаток на специфику возрастных задач, трансформируя идеальный образ развития для последующих периодов (Е.Л. Солдатова). Нерешенность возрастных задач снижает жизнеспособность человека, что приводит к дисгармонии, в частности, к возникновению интернет-зависимости (Е.А. Рыльская). Образцами социального поведения выступают готовые образы героев и антигероев, транслируемые в массовой культуре (В.Г. Грязева-Добшинская, С.Ю. Коробова). В контексте цифровизации общества и взаимоотношений в этом обществе трансформируются межличностные отношения и личностная идентификация (Л.Б. Шнейдер). Вышесказанное свидетельствует о существовании феномена виртуальной идентичности (А. Г. Асмолов, Г.У. Солдатова, А. Е. Войскунский, Е. П. Белинская, О.Н. Астафьева,

Л. Б. Шнейдер, К.-О. Apel, J. Van Kokswijk, J. K. Scarborough, P. Hodkinson).

В современных исследованиях виртуальная идентичность рассматривается как аспект идентичности (J. Suler), конфигурация идентификационных характеристик в Интернете (Н.-W. Kim), составная часть социокультурной идентичности (О.Н. Астафьева), трансформация идентичности в виртуальных мирах (А.Е. Войскунский), самопрезентация в Сети (Е.П. Белинская, А.Е. Жичкина, Л.А. Фадеева, С.Н. Сунгурова), совокупность гипертекстовых компонентов сетевого облика (Т.А. Фленина), инструмент конструирования произвольной идентичности (М.А. Назарова).

Представлены характеристики виртуальной среды как пространства конструирования виртуальной идентичности: невидимость субъекта коммуникации, слабая регламентированность поведения, разнообразие сред общения (Н.А. Пахтусова, Н.В. Уварина, А.В. Савченков), анонимность как возможность самовыражения (А.Е. Жичкина), а также специфические черты данной идентичности: сложность, открытость и поиск альтернатив для дальнейшего развития (Е.В. Летов). Освещены точки зрения на проблему соотношения виртуальной и реальной идентичности (О.Н. Астафьева, И.В. Костерина, А.Е. Войскунский, С. Тюркл, М. Бэк, Р. Уилсон, Н. Дёринг). Проанализированы причины искажения личной информации пользователями в социальных сетях: неудовлетворённость реальным социальным статусом (J. Suler, K. S. Young, P. Kelly), кризис идентификации (Е.Л. Солдатова), нерешенность возрастных задач периода зрелости (Е.А. Рыльская), фрустрация социальных ролей и табуирование личностных качеств в реальной жизни (Н. Д. Павлова, Т. А. Гребенщикова, В. А. Афиногенова, Н. Л. Сунгурова, К. S. Young, S. Turkle), широкий спектр возможностей искажения личных характеристик в виртуальном пространстве (J.M. De Groot, T. Spiliotopoulos, I. Oakley).

Сформулировано определение виртуальной идентичности пользователей социальных сетей как подсистемы эго-идентичности, состоящей из текстовых, визуальных, аудиальных характеристик виртуального образа, отражающего физические и психологические свойства и особенности коммуникации, определяющие целостность и тождественность личности в рамках субкультуры пользователей социальных сетей.

В параграфе 1.2 «Структура виртуальной идентичности пользователей социальных сетей» описаны особенности конструирования пользователями виртуальной идентичности, а также обозначены ее структурные компоненты.

На основе анализа литературы выявлено, что структура виртуальной идентичности гипотетически включает в себя ряд компонентов: «склонность к кибераддикции», отражающая субъективную ценность социальных сетей, как основу актуализации зависимости при их чрезмерном использовании (М. Р. Арпентьева, М. И. Дрепа, Н. В. Кочетков, В.А.

Лоскутова, В. П. Шейнов, Л. Б. Шнейдер, M.L. McNicol, E.V. Thorsteinsson, K. S. Young); «*принятие субкультуры*», иллюстрирующую степень согласия с нормами, характерными для виртуальных сообществ, а также меру их принятия (Н.А. Сенченко, Н. А. Пахтусова, И. Курбатов, Ю. Г. Волков, К. В. Воденко, M. Castells); «*виртуальный образ*» включающий систему представлений о физических и психологических свойствах в виртуальном пространстве социальных сетей, а также аспекты коммуникации в них (Е.А. Горный, Р.И. Зекерьяев, А.И. Лучинкина, Ю.Д. Бабаева, А.Е. Войскунский, О.В. Смыслова, О.А. Лисовская, Л. Ф. Косенчук).

В параграфе 1.3 «Особенности виртуальной идентичности пользователей социальных сетей» проанализированы работы, раскрывающие роль социальных сетей и субкультуры пользователей как пространства конструирования виртуальной идентичности в контексте социальных норм, рисков и мифов.

Привлекательность социальных сетей для пользователей обусловлена теми их возможностями, которые отсутствуют в реальной жизни (В. Д. Винник, S. Bennett, K.A. Maton и др.). Социальные сети для некоторых пользователей становятся более значимыми в сравнении с реальной средой, возрастает референтность виртуальных «друзей» (Е. Н. Юдина, С. А. Захарова). Данные тенденции особенно характерны для юношеского возраста, в рамках которого актуализируется становление подлинного авторства в определении и реализации взгляда на жизнь и индивидуального способа жизни (Е.С. Ермакова). Социальные сети обуславливают выбор молодежью ориентиров жизненного пути и профессии, их самореализацию (А. Г. Абдуллин, В. В. Лихолетов, И. Г. Рябова), опосредованно влияют на физическое и психическое здоровье, в частности ощущение психологического благополучия (Горелова Г.Г., Иноземцев Д.В.). Благополучным человек ощущает себя в связи с жизненными достижениями, которые связываются в его представлении с тем, что свойственно его возрасту – ключевыми возрастными задачами (Е.В. Бенко). Глобальное распространение сети Интернет трансформирует социокультурную среду, что накладывает отпечаток на развитие личности (Е. А. Сергиенко, В.В. Гафнер, К. М. Sheldon, N. Zsido, N. Arato, A. Lang и др.) представителей разных возрастов и особенно сензитивного к цифровым процессам поколения Z (Г. У. Солдатова, Т. А. Нестик, Е. И. Рассказова, Е. Ю. Зотова, Ю. О. Годик, M.L. McNicol, E.V. Thorsteinsson).

Систематизированы представления о нормах поддерживаемой пользователями субкультуры, выступающей основой идентификации цифровой личности и оказывающей влияние на формирование идеального образа развития (Е. Л. Омельченко, Д. О. Усанова, Н. Rheingold). Специфика данной субкультуры обуславливает особенности виртуальной самопрезентации и коммуникации (Н. С. Козлова, И. Р. Сушков) и характеризуется раскрепощенностью в общении (Е.И. Ключко, Р. Aftab, F.

Bert, M.R. Gualano, C. Y. Liu, C. P. Yu), недопустимым стилем коммуникации (А. А. Бочавер, К. Д. Хломов, М. Park, Y. Sun), повышением толерантности к нецензурной лексике (Г. У. Солдатова, Е.Ю. Зотова).

Во второй главе «Концептуальные основы и организация эмпирического исследования» представлена модель виртуальной идентичности, описаны цель, объект и предмет исследования, представлены гипотезы и задачи, дана характеристика выборки, методов и методик, описана процедура и способы обработки результатов, показаны этапы разработки и психометрические характеристики теста «ВИПСС».

В параграфе 2.1 «Модель виртуальной идентичности пользователей социальных сетей» описана концептуальная модель, отражающая структуру и особенности виртуальной идентичности (рисунок 1).

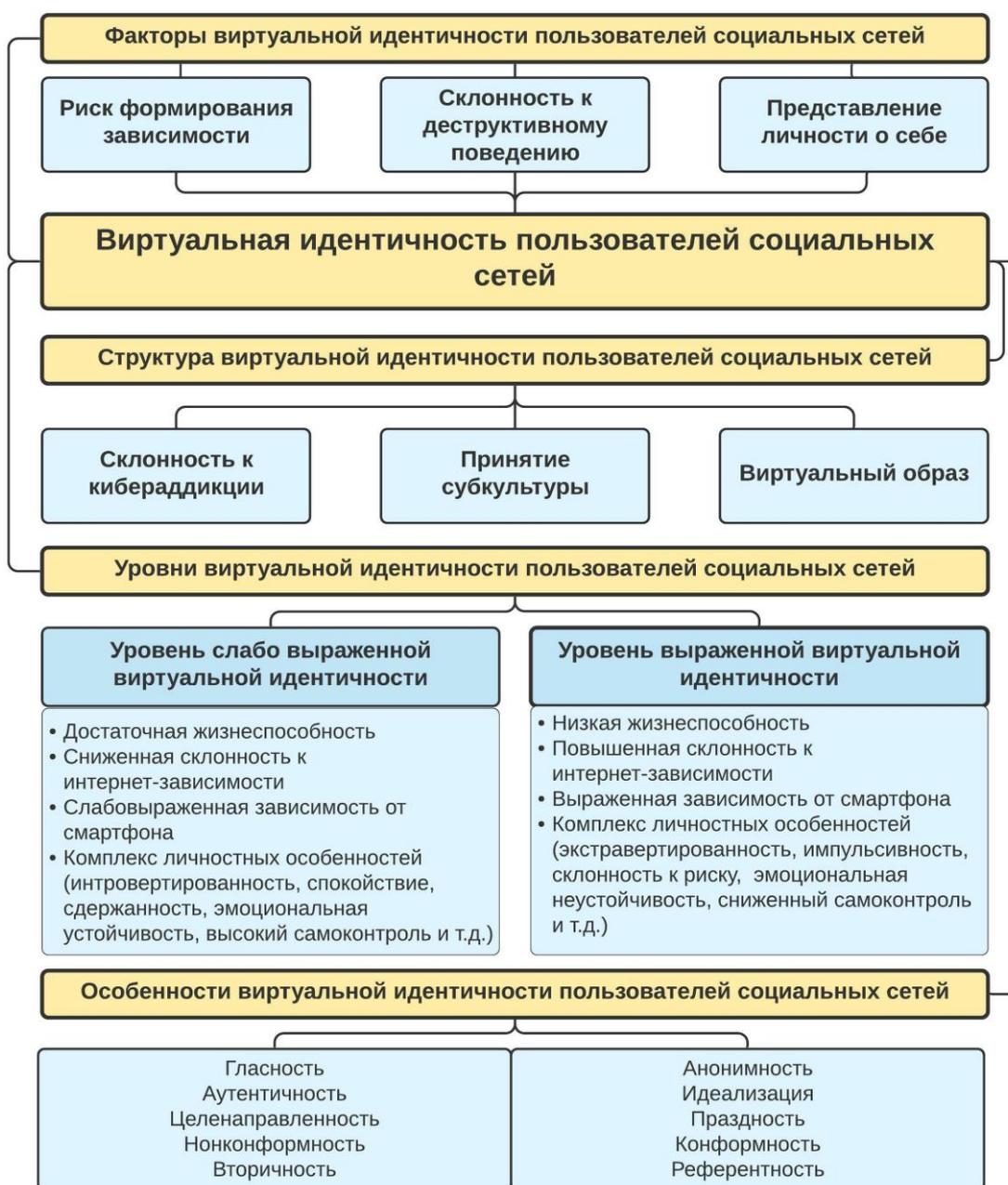

Рисунок 1. – Модель виртуальной идентичности пользователей

Модель в дальнейшем подлежала эмпирической верификации.

В параграфе 2.2 «Дизайн и методы исследования» рассмотрены цель, задачи и гипотезы, представлено описание использованных методов и методик, дана характеристика выборки и описаны этапы комплексного сравнительно-корреляционного исследования.

В параграфе 2.3 «Разработка и психометрические характеристики теста «Виртуальная идентичность пользователей социальных сетей» показаны этапы разработки и психометрические характеристики теста «ВИПСС», разработанного в соответствии с моделью виртуальной идентичности.

На первом этапе сформулированы тестовые пункты (в исходном варианте – 103), для отбора которых использовались шкалы стандартизированных психодиагностических методик, содержательно соответствующих гипотетическим шкалам теста.

В ходе факторного анализа после прямоугольного Varimax-вращения было выделено три фактора: склонность к кибераддикции (СК), принятие субкультуры (ПС), виртуальный образ (ВО). Были отобраны пункты с наибольшими факторными нагрузками (не менее 0,4). Количество пунктов сократилось до 43. В ходе повторной факторизации мы получили воспроизводимую структуру.

Данная версия теста одновременно с исходной версией была предъявлена выборке испытуемых (N=285). Корреляции между показателями первой и второй версий теста оказались выше критических значений (таблица 1).

Таблица 1

Коэффициенты корреляции между шкалами версий теста «ВИПСС»

Шкала теста «ВИПСС»	Коэффициенты корреляции r
СК	0,721**
ПС	0,837**
ВО	0,734**

Условные обозначения: ** – корреляция значима на уровне 0,01.

На следующем этапе тест был подвергнут психометрической проверке. Использование метода экспертных оценок показало, что тест обладает достаточной очевидной и содержательной валидностью (таблица 2).

Таблица 2

Согласованность мнений экспертов по шкалам теста «ВИПСС»

Шкала теста «ВИПСС»	Коэффициент конкордации W Кендалла	
	Непрофессиональные эксперты	Профессиональные эксперты (психологи)
СК	0,59**	0,73**
ПС	0,71**	0,73**
ВО	0,81**	0,82**
ИП	0,68**	0,75**

Условные обозначения: ** – коэффициент конкордации значим на уровне 0,01

Шкалы теста характеризуются оптимальными показателями внутренней

согласованности, гомогенности и дискриминативности (таблица 3).

Таблица 3

Показатели надежности, однородности и дискриминативности теста «ВИПСС»

Шкала теста «ВИПСС»	Коэффициент надежности α Кронбаха	Коэффициент однородности r_t Спирмена-Брауна	Коэффициент дискриминативности σ Фергюсона
СК	0,976	0,854	0,938
ПС	0,967	0,835	0,946
ВО	0,979	0,939	0,943

Значения ретестовой надежности демонстрируют устойчивость показателей теста (таблица 4).

Таблица 4

Показатели ретестовой надежности теста «ВИПСС»

Шкала теста «ВИПСС»	Коэффициент корреляции r
СК	0,945**
ПС	0,963**
ВО	0,956**

Условные обозначения: ** – корреляция значима на уровне 0,01

Корреляционные связи шкал теста и компонентов факторной структуры теста Куна-Макпартленда «Кто Я?» в модификации «Кто я онлайн?» свидетельствуют о его соответствии нормам конструктивной валидности (таблица 5).

Таблица 5

Корреляции между шкалами теста «ВИПСС» и компонентами факторной структуры теста Куна-Макпартленда «Кто Я?» в модификации «Кто Я онлайн?»

Шкала теста «ВИПСС»	Компонент факторной структуры теста Куна-Макпартленда «Кто Я?» в модификации «Кто Я онлайн?»	Коэффициент корреляции r
СК	Виртуальная активность	0,524**
ПС	Нормы поведения в социальных сетях	0,457**
ВО	Виртуальная самопрезентация	0,431**

Условные обозначения: ** – корреляция значима на уровне 0,01

Выявленные корреляции между виртуальной идентичностью и ее компонентами и концептуально родственными психическими свойствами свидетельствуют о достаточной конвергентной валидности (таблица 6).

Таблица 6

Корреляции между виртуальной идентичностью и ее компонентами и концептуально родственными психическими свойствами

Шкала теста «ВИПСС»	Интернет-зависимость	Зависимость от смартфона	Агрессивность	Враждебность	Жизнеспособность
СК	0,703**	0,601**	0,375**	0,332**	-0,574**
ПС	0,312**	0,404**	0,511**	0,401**	-0,291**
ВО	0,366**	0,303**	0,115*	0,141*	-0,52**
ИП	0,759**	0,71**	0,52**	0,465**	-0,685**

Условные обозначения: * – корреляция значима на уровне 0,05; ** – корреляция значима на уровне 0,01

Статистически значимые различия по параметру выраженности виртуальной идентичности ($U=33$, $p<0,01$) в группах, сформированных по критерию успешности решения основных жизненных задач периода зрелости обосновывают достаточный уровень критериальной валидности.

При стандартизации теста осуществлен перевод данных в стандартную шкалу стенов. Полученные результаты, обработанные с применением критерия t-Стьюдента, корректного при данном нормальном распределении ($p>0,05$), позволили сделать вывод о том, что женщины и мужчины не различаются по степени выраженности структурных компонентов виртуальной идентичности. Однако выявлены возрастные различия: в возрасте до 35 лет показатели склонности к кибераддикции ($t=2,53$, $p<0,05$) и виртуального образа ($t=2,64$, $p<0,05$) значимо выше, что связано с более активным использованием Интернета молодыми людьми, для которых социальные сети являются высокорелевантными. При разработке спецификации приведена уровневая интерпретация результатов теста.

В третьей главе «Эмпирическое исследование психологической структуры и особенностей виртуальной идентичности пользователей социальных сетей» описаны структурные компоненты и факторы виртуальной идентичности, произведено сравнение реальной и виртуальной идентичности, освещены поведенческие и коммуникативные характеристики пользователей, а также особенности интернет-активности и поддерживаемой ими субкультуры. Выявлены личностные особенности пользователей с различной степенью выраженности виртуальной идентичности.

В параграфе 3.1 «Психологическая структура виртуальной идентичности пользователей социальных сетей» описана внутренняя компонентная и внешняя факторная структура виртуальной идентичности. Факторный анализ результатов теста «ВИПСС» позволил сделать вывод о воспроизводимости внутренней компонентной структуры виртуальной идентичности (рисунок 2), включающей такие компоненты, как «склонность к кибераддикции», «принятие субкультуры», «виртуальный образ». Виртуальная идентичность, при определенной автономности входящих в ее состав компонентов, характеризуется их качественным своеобразием. В связи с этим, эмпирически подтверждена первая частная гипотеза.

Рисунок 2. – Компонентная структура виртуальной идентичности

В результате проведенного корреляционного анализа, направленного на исследование связей виртуальной идентичности с комплексом личностных особенностей, выявлена внешняя корреляционная структура

виртуальной идентичности, характеризующаяся как более «тесными», «ключевыми» связями, так и более «отдаленными», «вторичными». К «ключевым», плотность которых превышает значение $r=0,5$, относятся положительные связи виртуальной идентичности с интернет-зависимостью ($r=0,759$; $p<0,01$), зависимостью от смартфона ($r=0,71$; $p<0,01$), виртуальной активностью ($r=0,624$; $p<0,01$), принятием норм поведения в социальных сетях ($r=0,611$; $p<0,01$), виртуальной самопрезентацией ($r=0,532$; $p<0,01$), открытостью ($r=0,577$; $p<0,01$), агрессивностью ($r=0,52$; $p<0,01$), зависимым ($r=0,563$; $p<0,01$) и эгоистичным ($r=0,556$; $p<0,01$) типами межличностных отношений, а также отрицательные связи с дипломатичностью ($r=-0,511$; $p<0,01$) и жизнеспособностью ($r=-0,685$; $p<0,01$). К «вторичным», плотность которых не превышает значение $r=0,5$, относятся положительные связи виртуальной идентичности с враждебностью ($r=0,465$; $p<0,01$), экспрессивностью ($r=0,441$; $p<0,01$), чувствительностью ($r=0,439$; $p<0,01$), радикализмом ($r=0,292$; $p<0,01$), смелостью ($r=0,277$; $p<0,01$), а также отрицательные связи с самодостаточностью ($r=-0,356$; $p<0,01$), нормативностью поведения ($r=-0,381$; $p<0,01$), самоконтролем ($r=-0,427$; $p<0,01$) и эмоциональной устойчивостью ($r=-0,462$; $p<0,01$).

В результате факторного анализа переменных, полученных посредством корреляционного анализа, после прямоугольного Varimax-вращения, было выделено 3 фактора: «риск формирования зависимости», «склонность к деструктивному поведению», «представления личности о себе», с общей дисперсией 73,7% (таблица 7). Первый фактор, «риск формирования зависимости», отражает тенденции навязчивого стремления использовать Интернет и проводить значительное количество времени в Сети, что, безусловно, снижает жизненный потенциал человека. В основе формирования интернет-аддикции лежит сниженный самоконтроль и эмоциональная неустойчивость. Второй фактор, «склонность к деструктивному поведению», иллюстрирует предрасположенность к нарушению традиционных норм и правил, демонстрацию агрессивности и враждебности в Интернете, готовность рисковать, проявлять спонтанность и прямолинейность. Третий фактор, «представления личности о себе», отражает специфику самопрезентации, а также особенности личностных качеств (открытость, чувствительность, экспрессивность) и межличностных отношений (эгоистичность, зависимость), реализуемых в Сети. Таким образом, эмпирически поддержана вторая частная гипотеза.

Таблица 7

Факторная структура виртуальной идентичности

Переменные	Факторы/Нагрузки		
	1*	2**	3***
(ДМО) Зависимый тип отношения			0,780
(ДМО) Эгоистичный тип отношения			0,818
(МЛО) Дипломатичность		-0,787	
(МЛО) Нормативность поведения		-0,639	

Продолжение таблицы 7

Переменные	Факторы/Нагрузки		
	1*	2**	3***
(МЛО) Открытость			0,833
(МЛО) Радикализм		0,516	
(МЛО) Самодостаточность		-0,603	
(МЛО) Самоконтроль	-0,608		
(МЛО) Смелость		0,478	
(МЛО) Чувствительность			0,715
(МЛО) Экспрессивность			0,688
(МЛО) Эмоциональная устойчивость	-0,696		
(ОА) Агрессивность		0,842	
(ОА) Враждебность		0,765	
(ТЖЧ) Осмысленность жизни	-0,577		
(ТЖЧ) Способности адаптации	-0,534		
(ТЖЧ) Способности саморазвития	-0,564		
(ТЖЧ) Способности саморегуляции	-0,552		
(ТИЗ) Интернет-зависимость	0,945		
(ТКМ м.) Виртуальная активность	0,846		
(ТКМ м.) Виртуальная самопрезентация			0,745
(ТКМ м.) Нормы поведения в социальных сетях		0,892	
(ШЗС) Зависимость от смартфона	0,896		

Условные обозначения: * – риск формирования зависимости; ** – склонность к деструктивному поведению; *** – представления личности о себе; ДМО - Методика диагностики межличностных отношений Т. Лири; МЛО - стандартный многофакторный личностный опросник Кеттелла; ОА - опросник исследования уровня агрессивности А. Басса и А. Дарки; ТЖЧ - Тест «Жизнеспособность человека» Е.А. Рылской; ТИЗ - тест «Интернет-зависимость» К.Янг; ТКМ м. - тест Куна – Макпартленда «Кто Я?» в модификации «Кто Я онлайн?»; ШЗС - короткая версия опросника «Шкала зависимости от смартфона» В. П. Шейнова.

В параграфе 3.2 «Специфика проявления виртуальной идентичности у пользователей социальных сетей» представлены результаты сравнительного анализа реальной и виртуальной идентичности пользователей, описаны их поведенческие и коммуникативные характеристики, а также особенности интернет-активности и субкультуры пользователей с различной степенью выраженности виртуальной идентичности.

В параграфе 3.2.1 «Виртуальная идентичность пользователей социальных сетей и их реальная идентичность: сравнительный анализ» на основе интерпретации идентификационных характеристик пользователей, выявленных с применением теста Куна – Макпартленда «Кто Я?» в модификации «Кто Я онлайн?», обосновано соотношение реальной и виртуальной идентичности пользователей (рисунок 3).

Данное соотношение предполагает как наличие общей компоненты, включающей особенности идентичности, совпадающие в реальном и в виртуальном мире, так и отличительных характеристик – особых компонент. В феноменологическом плане наличие общей компоненты говорит о взаимопроникновении исследуемых феноменов, в структурном – о системном единстве как принадлежности к общей системе, в которой один элемент может быть рассмотрен как общесистемный, а другой – как подсистемный. Вышесказанное доказывает третью частную гипотезу.

Реальная идентичность (эго-идентичность)		Виртуальная идентичность	
Особая компонента	Общая компонента		Особая компонента
Физический образ	Качества личности Черты характера Содержание деятельности Способности		Виртуальный образ
Социальные роли			Деятельность в социальных сетях
Семейное положение			Сфера коммуникации и особенности общения с людьми

Рисунок 3. – Соотношение реальной и виртуальной идентичности

В параграфе 3.2.2 «Поведенческие и коммуникативные характеристики пользователей социальных сетей с различной степенью выраженности виртуальной идентичности» поддержано предположение о том, что особенности виртуальной идентичности пользователей связаны с содержанием и наполнением профилей в социальных сетях, спецификой поведения и коммуникации в них.

Расчет интегрального показателя выраженности компонентов виртуальной идентичности по тесту «ВИПСС», позволил дифференцировать выборку на две группы: с выраженной ($N_1=176$) и со слабо выраженной виртуальной идентичностью ($N_2=109$). Поскольку данные соответствуют нормальному распределению ($p>0,05$), при сравнении групп был использован t -критерий Стьюдента. Выявлено, что пользователи с выраженной виртуальной идентичностью склонны к чрезмерному погружению в социальные сети, отличаются праздной виртуальной активностью, киберагрессией, более эффективным представлением физического облика и личностных качеств в социальных сетях, а также более выраженной значимостью виртуального пространства. Пользователи со слабо выраженной виртуальной идентичностью характеризуются меньшей увлеченностью использованием социальных сетей, целенаправленным характером виртуальной активности, меньшей идеализацией виртуального образа, предпочтением реального мира.

На основе сравнительного анализа показателей методики диагностики межличностных отношений Т. Лири (проведенного с использованием t -критерия Стьюдента, корректного при данном нормальном распределении ($p>0,05$), доказана обусловленность степенью выраженности виртуальной идентичности различий в представлениях личности о себе и идеальном «Я», а также во взаимоотношениях в малых группах. Пользователи с выраженной виртуальной идентичностью более склонны к авторитарному ($t=2,23$; $p=0,05$), эгоистичному ($t=2,31$; $p=0,05$), агрессивному ($t=2,15$; $p=0,05$), подозрительному ($t=2,12$, $p=0,05$), подчиняемому ($t=1,96$; $p=0,05$) и зависимому ($p=1,97$, $p=0,05$) типам межличностных отношений.

Контент-анализ страниц пользователей социальных сетей ВКонтакте и Instagram, осуществляемый с участием трех экспертов, позволил выявить и описать особенности виртуальной идентичности, между которыми были выявлены взаимосвязи (с применением коэффициента r -Пирсона). На основании этого описаны дихотомичные смысловые конструкты

(анонимность–гласность, праздность–целенаправленность, конформность–нонконформность, референтность–вторичность, идеализация–аутентичность), степень проявления которых определяет специфику поведения и коммуникации пользователей в социальных сетях. Таким образом, подтверждена четвертая частная гипотеза.

В параграфе 3.2.3 «Интернет-активность и субкультура пользователей социальных сетей с различной степенью выраженности виртуальной идентичности» на основе анализа результатов ответов респондентов на вопросы анкеты «Трансформация представлений о сети Интернет» показано, что степень выраженности виртуальной идентичности пользователей опосредует разные аспекты содержания интернет-активности, а также ее специфику. Выявлено, что пользователи со слабо выраженной виртуальной идентичностью отличаются целенаправленностью времяпрепровождения в социальных сетях и построением аутентичного образа, а пользователи с выраженной виртуальной идентичностью – праздностью времяпрепровождения «онлайн» и идеализацией в конструировании виртуальной идентичности. Описаны отличительные черты социальных норм субкультуры пользователей (анонимность, виртуальное присутствие, размытость пространственных границ и др). Полученные результаты подтверждают пятую частную гипотезу.

В параграфе 3.3 «Личностные особенности пользователей социальных сетей с различной степенью выраженности виртуальной идентичности» проанализированы личностные особенностей пользователей с выраженной и со слабо выраженной виртуальной идентичностью.

На основе анализа результатов по методикам: тест жизнеспособности человека (ТЖЧ) Е.А. Рыльской, тест интернет-зависимости К.Янг, короткая версия опросника «Шкала зависимости от смартфона» В. П. Шейнова, выявлены значимые различия исследуемых группах (таблица 8). Поскольку распределение не отличается от нормального ($p > 0,05$), нами был использован t-критерий Стьюдента.

Таблица 8

Сравнение показателей жизнеспособности, интернет-зависимости, зависимости от смартфона в группах пользователей с различной степенью выраженности виртуальной идентичности

Переменные	Группа 1	Группа 2	Число степеней свободы f	Значение t-критерия Стьюдента	Уровень значимости p
	Среднее значение (M ₁)	Среднее значение (M ₂)			
Способности адаптации	60,73	83,79	283	3,97	0,000
Способности саморегуляции	36,94	44,15	283	3,63	0,000
Способности саморазвития	45,79	61,35	283	4,67	0,000
Осмысленность жизни	30,4	45,15	283	4,66	0,000
Интернет-зависимость	72,36	50,11	283	4,96	0,000
Зависимость от смартфона	32,24	24,27	283	3,91	0,000

Условные обозначения: **группа 1** - пользователи социальных сетей с выраженной виртуальной идентичностью (N₁=176); **группа 2** - пользователи социальных сетей со слабо выраженной виртуальной идентичностью (N₂=109)

Анализ результатов диагностики по тесту жизнеспособности человека Е.А. Рыльской показал, что пользователи с выраженной виртуальной идентичностью характеризуются сниженными адаптационными возможностями, лежащими в основе недостаточно гибкой перестройки под динамичные требования среды. Значения показателей способностей саморегуляции свидетельствуют о затруднениях при управлении собственными действиями, показателей выраженности способностей саморазвития – о недостаточности потребности в актуализации личностного потенциала. Сниженные показатели осмысленности жизни выражаются в слабой осознанности жизненных событий. В целом, низкий показатель жизнеспособности представителей данной группы говорит о недостаточно развитых способностях к управлению собственными ресурсами со значительно выраженной виртуальной идентичностью.

Пользователи со слабо выраженной виртуальной идентичностью отличаются более высокими показателями адаптационных возможностей, позволяющих им целенаправленно ориентироваться в изменяющемся мире. Значения показателей способностей саморегуляции свидетельствуют об осуществлении эффективного контроля над собственными действиями, показателей способностей саморазвития – о реализации потребности в самоактуализации. Высокие показатели осмысленности жизни свидетельствуют об осознанности жизненных процессов и способности рефлексировать жизненный опыт. В целом, высокие показатели жизнеспособности представителей данной группы отражают потенциальную возможность сохранять целостность, удерживать жизнь в сопряжении с требованиями социального бытия и личностного предназначения.

По результатам анализа показателей теста интернет-зависимости К.Янг выявлено, что пользователи с выраженной виртуальной идентичностью характеризуются более высокими показателями интернет-зависимости, что проявляется в навязчивом стремлении погрузиться в сеть Интернет и избыточно пользоваться им. Пользователи со слабо выраженной виртуальной идентичностью характеризуются более низкими показателями интернет-зависимости, свидетельствующими о способности вовремя выйти из Сети, о большей привлекательности для них реального мира.

Обращаясь к результатам диагностики по опроснику «Шкала зависимости от смартфона» В. П. Шейнова можем заметить, что пользователи с выраженной виртуальной идентичностью характеризуются наличием зависимости от смартфона, проявляющейся в пристрастии к чрезмерному пользованию этим устройством, страхом остаться без мобильного телефона. Пользователи со слабо выраженной виртуальной идентичностью характеризуются более низкой выраженностью зависимости от смартфона, свидетельствующей об отсутствии явного страха отсутствия гаджета.

Рассмотрим результаты диагностики по 16-ти факторному личностному опроснику Р. Кеттелла (таблица 9).

Таблица 9

Сравнение показателей по факторам методики Р. Кеттелла в группах пользователей с различной степенью выраженности виртуальной идентичности

Фактор	Группа 1	Группа 2	Число степеней свободы f	Значение t-критерия Стьюдента	Уровень значимости p
	Среднее значение (M ₁)	Среднее значение (M ₂)			
A	10,98	7,98	283	4,76	0,000
B	6,9	7,9	283	3,07	0,002
C	12,98	14,87	283	3,71	0,000
E	12,09	12,39	283	0,81	0,418
F	11,56	8,32	283	4,77	0,000
G	13,12	14,93	283	3,05	0,003
H	13,08	11,87	283	2,48	0,014
I	10,09	7,23	283	4,21	0,000
L	11,63	11,73	283	0,46	0,649
M	9,36	9,42	283	0,25	0,801
N	9,23	11,27	283	3,24	0,001
O	10,72	10,89	283	0,48	0,632
Q1	8,65	7,89	283	2,03	0,044
Q2	8,12	12,05	283	4,96	0,000
Q3	11,34	14,06	283	3,97	0,000
Q4	11,07	10,87	283	0,76	0,446

Условные обозначения: группа 1 - пользователи социальных сетей с выраженной виртуальной идентичностью (N₁=176); группа 2 - пользователи социальных сетей со слабо выраженной виртуальной идентичностью (N₂=109)

Пользователи с выраженной виртуальной идентичностью отличаются социальной ориентированностью и коммуникабельностью, беззаботностью и импульсивностью, смелостью и склонностью к риску, чувствительностью. Им присущи тенденции к экспериментированию, они либеральны, отличаются отсутствием склонности к абстрактному мышлению, они тревожны и эмоционально неустойчивы, откровенны и недостаточно сдержанны, отличаются сниженной дисциплинированностью. В отношении социальных норм – переменчивы, выражают несогласие с общепринятыми эталонами, однако, в случае повышения референтности группы, готовы следовать принятым в ней правилам. Пользователи со слабо выраженной виртуальной идентичностью отличаются сообразительностью, развитым абстрактным мышлением, эмоциональной устойчивостью и спокойствием. Проявляют добросовестность и ответственность, проницательны, независимы от мнения группы и находчивы. Отличаются скрытностью и замкнутостью, при этом спокойны и благоразумны, склонны к сдержанности. Рассудительны и практичны, при этом, нетерпимы к новому, подозрительны. Таким образом, эмпирически верифицирована шестая частная гипотеза.

В заключении подведены итоги исследования, намечены перспективы дальнейшей работы.

1. Конкретизировано понятийное поле концепта "виртуальная

идентичность пользователей социальных сетей" и освещены основные научные подходы к его исследованию. Виртуальная идентичность представлена как подсистема эго-идентичности, состоящая из текстовых, визуальных, аудиальных характеристик виртуального образа, отражающего физические и психологические свойства и особенности коммуникации, определяющие целостность и тождественность личности в рамках субкультуры пользователей социальных сетей. Проанализирована разработанность проблемы исследования психологической структуры и особенностей виртуальной идентичности пользователей, рассмотрены специфические черты поддерживаемой ими субкультуры. Определены гипотетические компоненты внутренней компонентной структуры виртуальной идентичности: «склонность к кибераддикции», «принятие субкультуры», «виртуальный образ». Раскрыта роль социальных сетей как пространства конструирования виртуальной идентичности.

2. Разработана концептуальная модель виртуальной идентичности, отражающая структуру и особенности виртуальной идентичности пользователей и подлежащая дальнейшей эмпирической верификации. Модель легла в основу разработки авторского теста "ВИПСС". Проведена психометрическая проверка теста.

3. Эмпирически исследованы внутренняя компонентная структура виртуальной идентичности, включающая такие компоненты, как «склонность к кибераддикции», «принятие субкультуры», «виртуальный образ» и внешняя факторная структура, представленная такими факторами, как «риск формирования зависимости», «склонность к деструктивному поведению», «представления личности о себе».

4. Получено эмпирическое подтверждение того, что соотношение реальной и виртуальной идентичности предполагает наличие как общей компоненты, включающей особенности идентичности, совпадающие в реальном и в виртуальном мире, так и отличительных характеристик (особых компонент).

5. Поддержано предположение о том, что особенности виртуальной идентичности связаны с содержанием и наполнением профилей в социальных сетях, особенностями поведения и коммуникации в них и опосредованы специфическими нормами принятой пользователями субкультуры. Данные особенности описаны посредством пяти смысловых конструкторов (анонимность – гласность, праздность – целенаправленность, конформность – нонконформность, референтность – вторичность, идеализация – аутентичность).

6. Показано, что степень выраженности виртуальной идентичности пользователей опосредует разные аспекты содержания интернет-активности, а также ее специфику. Пользователи со слабо выраженной виртуальной идентичностью отличаются целенаправленностью времяпрепровождения в социальных сетях и построением аутентичного образа. Пользователи с

выраженной виртуальной идентичностью – праздностью времяпрепровождения в социальных сетях и идеализацией в конструировании виртуальной идентичности.

7. Выявлены личностные особенности пользователей с различной степенью выраженности виртуальной идентичности. Пользователи с выраженной виртуальной идентичностью характеризуются низкой жизнеспособностью, повышенной склонностью к интернет-зависимости, выраженной зависимостью от смартфона, экстравертированностью, импульсивностью, склонностью к риску, эмоциональной неустойчивостью, сниженным самоконтролем. Пользователи со слабо выраженной виртуальной идентичностью характеризуются достаточной жизнеспособностью, сниженной склонностью к интернет-зависимости, слабовыраженной зависимостью от смартфона, интровертированностью, спокойствием, сдержанностью, эмоциональной устойчивостью, высоким самоконтролем.

На основе эмпирически обоснованных выводов мы пришли к заключению о том, что в виртуальном пространстве социальных сетей формируется особая подсистема эго-идентичности личности, которая характеризуется структурой и особенностями, содержание которых опосредовано спецификой субкультуры пользователей социальных сетей.

В будущем нами планируется изучение специфики виртуальной идентичности пользователей набирающих популярность социальных сетей, (например, Tik-Tok). Предполагается исследование связей виртуальной идентичности с региональными и национальными особенностями пользователей социальных сетей.

Основное содержание и результаты диссертационного исследования отражены в следующих публикациях автора:

Публикации в изданиях, рекомендованных Минобрнауки России:

1. Погорелов, Д. Н. Структура виртуальной идентичности пользователей социальных сетей / Д. Н. Погорелов // Казанский педагогический журнал. – 2020. – № 4(141). – С. 262-267.

2. Рыльская, Е. А. Идентичность личности в виртуальном пространстве социальных сетей и реальная идентичность: сравнительные характеристики / Е. А. Рыльская, Д. Н. Погорелов // Ярославский педагогический вестник. – 2021. – № 1(118). – С. 105-114. – DOI 10.20323/1813-145X-2021-1-118-105-114. (10 с. / 5 с.).

3. Погорелов, Д. Н. Структура виртуальной идентичности как интегрального феномена / Д. Н. Погорелов, Е. А. Рыльская // Психология. Психофизиология. – 2021. – Т. 14. – № 3. – С. 57-68. – DOI 10.14529/jpps210306. (12 с. / 6 с.).

Публикации в изданиях, входящих в базы Scopus, WoS:

4. Солдатова, Е. Л. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы / Е. Л. Солдатова, Д. Н. Погорелов // Образование и наука. – 2018. – Т. 20. – № 5. – С. 105-124. – DOI 10.17853/1994-5639-2018-5-105-124. (20 с. / 10 с.).

5. Ilyasov, D. F. Prevention technology for Internet addiction disorder in adolescence / D. F. Ilyasov, D. N. Pogorelov, N. O. Nikolov [et al.] // EDULEARN20 Proceedings : 12th International Conference on Education and New Learning Technologies, Spain, 06–07 июля 2020 года. – Spain: IATED Academy, 2020. – P. 1360-1370. – DOI 10.21125/edulearn.2020.0448. (11 с. / 2,2 с.).

Научные публикации в других изданиях:

6. Погорелов, Д. Н. Актуальные факторы риска интернет-среды как образовательного пространства для одарённых учащихся / Д. Н. Погорелов // Региональные модели сопровождения и поддержки одарённых и перспективных детей : материалы VIII Международной научно-практической конференции, Челябинск, 23 – 28 апреля 2018 года. – Челябинск: ЧИППКРО, 2018. – С. 75-78.

7. Солдатова Е.Л. Отличительные черты социальных норм субкультуры пользователей сети Интернет / Е.Л. Солдатова, Д.Н. Погорелов // Личность в эпоху перемен: mobilis in mobili : материалы Международной научно-практической конференции конференции, Москва, 17-18 декабря 2018 года. – М.: Изд. МГУ, 2018. – С. 138-140. (3 с. / 1,5 с.).

8. Погорелов, Д. Н. Осуществление социально-психологической помощи обучающимся, находящимся в кризисных ситуациях (на примере рисков интернет-среды и электронного обучения) / Д. Н. Погорелов // Модернизация системы профессионального образования на основе регулируемого эволюционирования : Материалы XVIII Международной научно-практической конференции, Москва-Челябинск, 14 ноября 2019 года / Ответственный редактор Д.Ф. Ильясов. – Челябинск: ЧИППКРО, 2019. – С. 57-60.

9. Погорелов, Д. Н. Психолого-педагогические аспекты субкультуры пользователей сети Интернет / Д. Н. Погорелов // Модернизация системы профессионального образования на основе регулируемого эволюционирования : Материалы XVIII Международной научно-практической конференции, Москва-Челябинск, 14 ноября 2019 года / Ответственный редактор Д.Ф. Ильясов. – Челябинск: ЧИППКРО, 2019. – С. 108-114.

10. Погорелов, Д. Н. Профилактика суицидального поведения подростков, обусловленного деятельностью "групп смерти" в социальных сетях / Д. Н. Погорелов // Модернизация системы профессионального образования на основе регулируемого эволюционирования : Материалы XIX Международной научно-практической конференции, Челябинск, 16 ноября 2020 года. – Челябинск: ЧИППКРО, 2020. – С. 138-152.

11. Погорелов, Д. Н. Структура виртуальной идентичности личности пользователей социальных сетей / Д. Н. Погорелов // Интеграция

методической (научно-методической) работы и системы повышения квалификации кадров : Материалы XXI Международной научно-практической конференции, Челябинск, 20 апреля 2020 года / Отв. редактор Д.Ф. Ильясов. – Челябинск: ЧИППКРО, 2020. – С. 137-142.

12. Погорелов, Д. Н. Контент-анализ содержания страниц пользователей социальной сети Instagram / Д. Н. Погорелов // Интеграция методической (научно-методической) работы и системы повышения квалификации кадров : Материалы XXI Международной научно-практической конференции, Челябинск, 20 апреля 2020 года / Отв. редактор Д.Ф. Ильясов. – Челябинск: ЧИППКРО, 2020. – С. 132-137.

13. Погорелов, Д. Н. Кибербуллинг в социальных сетях как фактор риска актуализации нарушений психического здоровья личности / Д. Н. Погорелов // Модернизация системы профессионального образования на основе регулируемого эволюционирования : Материалы XIX Международной научно-практической конференции, Челябинск, 16 ноября 2020 года. – Челябинск: ЧИППКРО, 2020. – С. 127-137.

14. Погорелов, Д. Н. Интернет-зависимость пользователей с разным уровнем выраженности идентичности в виртуальном пространстве социальных сетей / Д. Н. Погорелов // Интеграция методической (научно-методической) работы и системы повышения квалификации кадров : Материалы XXII Международной научно-практической конференции, Челябинск, 20 апреля 2021 года. – Челябинск: ЧИППКРО, 2021. – С. 184-193.

15. Погорелов Д.Н. Жизнеспособность и личностные особенности интернет - пользователей с различной степенью выраженности виртуальной идентичности / Д. Н. Погорелов, Е.А. Рыльская // Ресурсы жизнеспособности и стрессоустойчивости современного человека: психологические, психофизиологические, нейробиологические, педагогические аспекты: коллективная монография (часть 2). - Челябинск: Изд-во «Полиграф-Мастер», 2021. – 264 с. – С. 243-258. (16 с. / 8 с.).

Учебные пособия:

16. Погорелов, Д. Н. Виртуальная идентичность представителей Z - поколения в социокультурном пространстве сети Интернет / Д. Н. Погорелов. – Челябинск : ЧИППКРО, 2019. – 73 с.

17. Погорелов, Д. Н. Кибербезопасность : рабочая тетрадь для 5 класса / Д. Н. Погорелов. – Челябинск : ЧИППКРО, 2019. – 49 с.

18. Погорелов, Д. Н. Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса в условиях цифровизации и перехода на дистанционное обучение : Учебное пособие / Д. Н. Погорелов. – Челябинск : ЧИППКРО, 2021. – 96 с. – ISBN 978-5-503-00413-7.

Подписано в печать __. __. 2022. Формат 60×84/16.

Бумага для множ. аппаратов. Печать на ризографе.

Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 1,4. Усл. изд. л. 1,2 Тираж 150 экз.